

НЕЙРОСЕТЬ ЗАБЫТЫХ МИРОВ

ЧАСТЬ 1

ЛИЯ НУЛЕВАЯ

Лия Нулевая

Нейросеть забытых миров. Часть 1

<https://litres.ru/74029436>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где реальность трещит по швам, а границы между жизнью и забвением стёрты, разворачивается история, пронизанная мраком и тайной. Заброшенные города, опутанные биокоррозийными наростами, скрывают древние силы, пробуждающиеся из теней прошлого. Герои сталкиваются с невидимыми сущностями, чьи шёпоты звучат в стенах, а каждое движение воздуха несёт угрозу. Здесь выживание — лишь начало, а истина кроется за гранью человеческого понимания, где сама материя подчиняется иным законам. Книга погружает в атмосферу хрупкого баланса между хаосом и порядком, где каждый шаг может стать последним или открыть дверь в неизведанное.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Некрополь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Нейросеть забытых миров. Часть 1

Часть 1

Глава 1. Некрополь

С высоты птичьего полёта Москва простиралась мёртвым мегаполисом, затянутым в саван вечного смога. Когда-то бескрайний, кипящий жизнью город превратился в гигантский некрополь — серые многоэтажки выстроились как надгробия на кладбище цивилизации, их пустые глазницы-окна слепо смотрели в никуда. Улицы, когда-то заполненные потоком машин, теперь зияли глубокими трещинами, словно шрамы на теле великана. Чистые пруды, покрытые радужной маслянистой плёнкой, тускло отражали холодное весеннее солнце — его свет, когда-то ласковый, теперь казался чужим и враждебным, едва пробивающимся сквозь ядовитую пелену.

Пространство наполнилось тяжёлым маревом, словно кисель из кислотных испарений. Где-то в вышине, едва пробиваясь сквозь смог, гудел дрон — последнее творение уцелевших инженеров. Его жужжание напоминало хрип гигант-

ского насекомого, а камера, подобно голодному стервятнику, выискивала среди руин признаки жизни. На потрескавшемся экране управления мелькали обрывки бывшего величия: Садовое кольцо с асфальтом, вздыбившимся, словно кости, прорывающиеся сквозь землю; ржавые остовы машин, намертво вмёрзшие в дорожное покрытие, их металл покрыт странными наростами, похожими на грибницу. На месте Парка Горького зияла огромная воронка, заполненная чёрной жижей, в которой плавали не только обрывки одежды, но и что-то чешуйчатое, периодически шевелящееся вопреки отсутствию видимого источника движения.

Но самое жуткое были даже не руины.

Это были тени.

Они появлялись ниоткуда — гигантские, бесформенные массы, медленно ползущие по фасадам зданий. Там, где они проходили, оставались следы странной плесени, расплзающейся с неестественной скоростью, словно живой организм. Иногда в серой массе угадывались очертания чего-то, что могло быть конечностями... или щупальцами. Они наблюдали. Они ждали.

Камера дрона, словно хищная птица, отслеживающая добычу, зафиксировала движение среди развалин. Одиочная фигура пробиралась между обвалившимися стенами, её тень на треснутом асфальте изгибалась неестественно, будто жила собственной жизнью. Ветер гнал по улицам серую пелену смога, которая цеплялась за разрушенные фасады, слов-

но пытаюсь стереть последние следы человеческого присутствия. Но фигура упорно шла вперёд, не обращая внимания на окружающий упадок, будто ведомая невидимой целью.

Остап прижался спиной к стене бывшего супермаркета, где выцветшая реклама всё ещё кричала о скидках, которые уже никому не были нужны. Его дыхание свистело сквозь разорванный противогаз, оставляя на маске мутные разводы конденсата. В ушах пульсировало — адреналин смешивался со страхом и яростью. Всего два часа назад он стал свидетелем того, как Наставники уводили мальчишку из соседнего подъезда. Тот цеплялся за ржавые перила, его крики разносились по всему двору, пока внезапно не оборвались... Навсегда.

Теперь Остап двигался по хорошо знакомому маршруту: три шага влево от разбитой витрины (здесь когда-то продавали электронику, теперь лишь осколки стекла да истлевшие кости), затем прыжок через трещину в асфальте (в её глубине что-то шевелилось, и лучше было не задумываться, что именно), и вот он — распределитель. Железная будка с решётками, за которой маячила фигура в чёрном комбинезоне. "Резерв" выдавали только после "очистки" — процедуры, после которой люди либо возвращались молчаливыми и покорными, либо не возвращались вовсе. Но Остап знал лазейку — дыру в заборе за детской площадкой, где земля пахла одновременно мёдом и разложением, словно кто-то смешал сладость со смертью.

Он шёл, прижимая к груди драгоценный пакет с пайком — мутноватую жидкость, называемую молоком (хотя оно давно не напоминало настоящий продукт), кусок хлеба с синеватым отливом (плесень или что-то похуже?) и странные печенья в упаковке с полустёртой маркировкой. "годен до 25.12.42" — единственное, что ещё можно было разобрать. В памяти всплыл образ Вадима из 14-й квартиры, который месяц назад съел похожее печенье, только найденное в другом конце района. К утру его кожа покрылась прозрачными пузырями, а изо рта полезли тонкие белые нити, будто корни, проросшие изнутри. Но голод был сильнее страха — Остап уже месяц питался только "грибами", склизкими наростами, которые каждую ночь появлялись в его ванной, будто кто-то специально их выращивал. Последний раз мясо он видел три года назад, когда отец принёс тушку крысы. Настоящей, а не тех тварей с лишними конечностями, что теперь кишели в мусоропроводах и иногда смотрели на тебя слишком осознанно.

Подъезд встретил Остапа тяжёлым запахом плесени и разлагающегося линолеума. На стенах расползались странные пятна, напоминающие высохшие водоросли - странное зрелище для места, отрезанного от моря сотнями километров. Он медленно поднимался по лестнице, пальцы скользили по облупившейся краске перил, оставляя на ржавом металле кровавые следы. Порезы на лице давно затянулись, но в тишине ему чудилось, будто они вновь сочатся... чем-то дру-

гим.

Тишины не было. Ещё до того, как он достал ключ, из-за двери донеслись голоса, искажённые странным эхом, будто звук проходил сквозь толщу воды.

— Ты с ума сошла! — раздался глухой удар кулака по столу. В трещинах пластиковой поверхности зашевелилась чёрная плесень. — После того, как в прошлом году грунтовые воды вышли, Зона превратилась в братскую могилу. Ты хочешь туда соваться?

— Она моя мать, Миша! — Лариса вцепилась в край стола, её ногти оставили глубокие царапины. — Семьдесят лет! Ты представляешь? Она там одна...

— Я три года жду этот пропуск! — голос Михаила сорвался. — Три года, Ларис! Они дали нам только две недели на периметре. Две недели, понимаешь? Если опоздаем...

— Ты всё ещё веришь их обещаниям? — Лариса задохнулась от ярости. — Эти твари в чёрных комбинезонах забрали Свету... Ты видел, во что она превратилась? Она не может говорить, только шепчет про какие-то глаза в стенах...

— А ты предлагаешь нам сдохнуть здесь? — Михаил достал из кармана смятый пропуск со спиралевидной печатью. — Билеты только на нас двоих. Через две недели — обратно. Остап... — Его взгляд скользнул по фотографии на стене, — остаётся здесь. Мы передадим его Наставникам.

Остап застыл в дверном проеме, не решаясь сделать шаг внутрь. Его пальцы сжали пакет с пайком так, что пластик за-

трещал. В квартире также пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — чем-то металлическим, словно кровь, смешанная с ржавчиной.

Он не сразу понял, что именно заставило его замереть.

Тени.

На потолке, в мерцающем свете догорающей лампы, чётко отразились два силуэта. Один — массивный, сгорбленный, будто несущий на спине невидимую ношу. Второй — тонкий, с неестественно вытянутыми конечностями, пальцы которых плавно шевелились, словно ощупывая воздух. Они не двигались. Они ждали.

Остап резко перевёл взгляд на стену — ничего. Потолок — пусто. Но ощущение, что что-то только что было здесь, не отпускало. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Этот дом давно перестал быть безопасным, но сегодня в нём витало что-то новое. Что-то... ожидающее.

В этот момент из кухни донесётся приглушённый, но яростный голос:

— Остаётся? — голос Ларисы прозвучал резко, как треск ломающегося льда. Она стояла в дверном проёме, её пальцы впились в косяк, оставляя на мягкой древесине глубокие борозды. — Чтобы Наставники его в лагеря отправили? Ты слышал, что они делают с теми, кого «исправляют»?

Михаил отвернулся, его пальцы сжали пропуск так, что бумага смялась.

— Это не лагерь, — пробормотал он. — Это программа адаптации. Исправляют только тех, кто не вписывается.

— Как Свету из пятого подъезда? — Лариса резко встала, и её тень на стене дернулась, изогнулась, будто не принадлежала ей. — Она вернулась с твоей «программы» и теперь бьётся в припадках, крича про глаза в стенах!

Свет погас.

Тьма сомкнулась вокруг, густая, как смог за окном. Воздух стал тяжелее, насыщенный запахом разложения — не просто гниющей пищи, а чего-то живого, что медленно умирало прямо здесь, в этой квартире.

Остап слышал шорох.

Невидимое скользило по краю восприятия..

Медленно, стараясь не дышать, он шагнул вперёд, пробираясь к кухне. Его нога наткнулась на что-то мягкое — мешок? Тряпку? Он не стал проверять.

— Вот всё необходимое, — бросил он отстранённо, швырнув пакет на стол.

Михаил даже не взглянул в его сторону.

— Вот ещё одна наша проблема! — прорычал он, и в его глазах мелькнуло что-то... не его. — Вчера Наставница сказала, что он ударил парня из отряда. Снова.

Лариса резко повернулась. Её лицо, бледное в тусклом свете, исказилось.

— Ты сам научил его драться! — её голос сорвался.

Потом она посмотрела на Остапа.

— Где ты опять шатаешься? Когда ты в последний раз...
Свет погас снова.

На секунду воцарилась абсолютная тишина.

И тогда Михаил прошипел:

— Во-первых, мы его не берём в периметр. Во-вторых...
у меня есть вариант.

Остап замер.

Воздух застыл, превратившись в желе из молекул. Стены дрожали — не от ветра снаружи, а изнутри, будто под поверхностью скользили невидимые мускулы. Обои шевелились, как кожа на спине спящего зверя.

— Какой вариант? — Лариса обхватила себя руками, будто пытаясь не развалиться.

Остап не спросил.

Он знал — в этом мире ответы часто оказывались хуже вопросов.

Через час Лариса, уже переодетая в чёрный защитный комбинезон, сидела в гостиной, уткнувшись в телефон. Экран освещал её лицо мертвенным синим светом, подчёркивая впадины под глазами.

Михаил стоял у двери, его пальцы нервно барабанили по косяку. Древесина была странно мягкой, податливой, будто гнила изнутри.

— Ну? — его голос звучал хрипло.

Лариса медленно подняла глаза.

В них не было страха.

Было решение.

— Она согласна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.